

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «ПСИХЕЙНОГО СЮЖЕТА» В ЭРОТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОВОЙ

Фокина Светлана Александровна,
кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры мировой литературы
Одесского национального университета
имени И. И. Мечникова
svetlana_fokina@ukr.net
<https://orcid.org/0000-0002-2406-0978>

Актуальність нашої розвідки мотивована інтересом сучасної філології до літературної спадщини діаспори.

Мета статті – простежити еротичне маркування «психейного сюжету» у вірші О. Петрової «Предмети розчиняються у темряві...» (2007).

Результати. Внаслідок текстуального аналізу виявлено дві протилежні лінії ліричного сюжету – це розставання й взаємне тяжіння ліричної героїні і любовного суб'єкта. Вони внутрішньо пов'язані та доповнюють один одного. Еротичний дискурс ліричного послання О. Петрової, актуалізуючи міфологічний потенціал, включає в свій смисловий спектр міфологеми зародження еросу та «психейний сюжет». Нез'ясованість особистості партнера сприяє його потенційній сакралізації та активації архетипових кодів сучасного ліричного сюжету. Символіка фрамуги передбачає лімінальність особистого простору з «чужим», комунікацію ліричного «я» з «іншим», а також наближення до трансцендентного. Інтемедіальні складники «психейного сюжету» акцентовані мотивом зірок та зруйновані особистим простором, уособленням якого виступає вибита фрамуга. У своєму еротичному дискурсі О. Петрова моделює ситуацію взаємин ліричного «я» з омріяним коханим як двійництво.

Висновки. Семіосфера розглянутого ліричного послання стає доповненням до зовнішньої лаконічності поетичного слова О. Петрової. Розширенню інтерпретаційних рамок вірша сприяють потенції «психейного сюжету». Показовою є своєрідність еротичного дискурсу: коди пристрасті проявлені не тільки в сфері інтимності, а також у топосі межовості, інтемедіальності та дзеркальності.

Ключові слова: «психейний сюжет», еротичний дискурс, двійництво.

“THE PLOT OF PSYCHE” IN THE EROTIC DISCOURSE OF A. PETROVA

Fokina Svitlana Oleksandrivna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Doctoral Student at the Department of World Literature
Odessa I. I. Mechnikov National University
svetlana_fokina@ukr.net
<https://orcid.org/0000-0002-2406-0978>

Relevance is motivated by the interest of modern philology in the phenomenon of the literary diaspora and its heritage.

The methodological foundations of this study is determined the traditions of the study of erotic discourse (R. Bart, J. Kristeva, P. Kinyar, M. Epstein).

The novelty of the article is due to the attention to the microethics of A. Petrova, the study of which has not yet been carried out.

The purpose of the article is to trace the manifestations of the erotic labeling of the “plot of Psyche” in the subtext layer of the poem chosen for analysis. The text shows two opposite lines of the lyrical plot, internally connected and complementary to each other are separation and mutual attraction. The erotic discourse is actualizing in the lyrical message of A. Petrova the mythological potential, includes in its semantic spectrum the mythology of the origin of eros and the “plot of Psyche”. The transom is involves borderline and contact, both communication of the self with the other, and approaching something beyond the limits of the ordinary world. The intermedial components of the “plot of Psyche” are emphasized in the poem by A. Petrova with the theme of stars and a knocked-out frame. In erotic discourse by A. Petrova models the situation of the relationship of the lyrical self with his lover as a twin, representing the imaginary and coveted “other” with his mirror. The “plot of Psyche” is contributes to the inclusion of the theme of twins in erotic discourse.

Conclusions. The semiosphere of the lyrical message is becomes an addition to the external laconicity of the poetic word by A. Petrova. The “plot of Psyche” contributes to the expansion of the interpretive framework of the poem. The passion codes are manifested not only in the field of intimacy, but also in the topos of borderhood, intermediality and mirroring.

Key words: “psychic plot”, erotic discourse, borderhood, twins.

1. Введение

Актуальность исследования мотивирована включением в поле научного поиска произведений литературной диаспоры, где особое место занимает современная поэзия, чьим самобытным представителем, несомненно, является Александра Петрова (1964). **Методологические основы** данного исследования определили традиции изучения эротического дискурса (Р. Барт, Ю. Кристива, П. Киньяр, М. Эпштейн). Различные нюансы, сопряженные с проявлением эротики в качестве авторских символов, помогли прояснить работы, в той или иной степени затрагивающие данную тему (А. Журбина, Ю. Котариди, М. Ямпольский, Л. Чертов, С. Мильшиор-Боне).

Новизна статьи обусловлена вниманием к микропоэтике А. Петровой, изучение которой только начинается. В частности, не исследован поэтический текст «Предметы растворяются во тьме...», интерпретация которого представлена в данной статье.

Цель статьи – проследить проявления эротической маркированности «психейного сюжета» в стихотворении «Предметы растворяются во тьме...».

Анализ последних исследований и публикаций. Поэтесса-эмигрант Александра Петрова, ныне живущая в Италии, творческими поисками вполне вписывается в эпистемологическую парадигму эпохи. По словам Н. Ильинской, современная лирика тяготеет к жизнетворчеству, «в формате которого моделируются стратегии творческого поведения – модернистского, модифицирующего архетип поэта-жреца, и постмодернистского – игрового, отчасти самопародийного...» (Ильинская, 2005: 74). А. Петрова высоко оценена критиками как самобытный современный поэт с ярко выраженной эротической составляющей творчества (А. Гольдштейн, С. Сандлер). Так, С. Сандлер отмечает присущую автору особенность выражать «не только яркие впечатления от встречи с новым, но и моментальные очерки расставаний и уходов» (Сандлер, 2007: 5). Такая установка авторского сознания на воспевание разлуки, обнажения сферы чувств при сокрытии их адресата, последовательно проявлена в лирическом послании А. Петровой «Предметы растворяются во тьме...».

2. Доминантные образы лирического сюжета

В стихотворении А. Петровой «Предметы растворяются во тьме...» из поэтического сборника «Только деревья» (2007) фактор непряносненности адресата активизирует значимость подтекстового слоя, что продуцирует многослойное прочтение лирического сюжета:

Предметы растворяются во тьме.

Скорей стремлюсь,

чем не стремлюсь к тебе,

но даже звёзды разбегаются в пространстве,

там, между ними, бесповоротно растут расстоянья.

Мы же пока иногда ещё можем различить флажки морехода

в арочных сводах идущих навстречу цунами.

Но о каком постоянстве,

если лишь не о силе отталкивания друг от друга

под распахнутым куполом,

что словно выбитая в ночь фрамуга?

Во многих текстах поэтической книги А. Петровой «Только деревья», по словам С. Сандлер, «речь впрямую идет о любви и её утрате...» (Сандлер, 2007: 10). Избранное для анализа стихотворение вполне можно прочесть как любовное с соответствующими кодами страсти, томления, горести расставания. К кодам страсти относятся следующие символы: «звезды» – тема избранности и благословенности, «цунами» – тема гибельности и рока. Такая двойная центрация лирического сюжета обыгрывает на эмблематическом, тематическом и подтекстовом уровнях стремление к возвышающей любви и в то же время ощущение приносимых ею гибели и обреченности.

В соответствии с амбивалентностью коммуникации любовный дискурс стихотворения получает двойную направленность. В тексте доминируют две противоположные линии лирического сюжета, внутренне связанные и дополняющие друг друга – расставание и взаимное притяжение. Устремленность ввысь и знаки небесного пространства («звезды», «купол») вполне традиционно прочитываются как реализация духовного потенциала лирического «я». Иное проявление сферы чувств соотносится со стихийностью, опасностью и морской пучиной («цунами»), символизируя власть хтонического и бессознательного. Оконный локус («фрамуга») представляется неоднозначным и в то же время позволяющим выход за пределы.

3. Аудиальная и визуальная маркированность лирического сюжета

Для акцентуации разрыва и его возможного преодоления в стихотворении А. Петровой воссоздаются два канала – аудиальный и визуальный. Акустический реализуется на уровне лирического послания, разговора с «другим», моделирования любовного заговора, звукописи. При этом в стихотворении значимы зрительные метафоры, а также их потенциальная способность к расширению рамок лирического сюжета («звезды разбегаются», «растут расстоянья», «различить флажки морехода», «распахнутым куполом», «выбитая в ночь фрамуга»). Тема растворения во тьме, обыгрываемая А. Петровой, становится как знаком изменения восприятия, так и поглощения тьмой, воплощающей иное измерение реальности и, возможно, интенсивность страсти или открытия, переживаемые лирическим «я».

Исчезновение зрительного контакта с окружающим и прежде всего с предметным миром («Предметы растворяются во тьме») – знаковая ситуация, служащая зачином стихотворения А. Петровой. По наблюдениям исследовательницы русского авангарда Е. Бобринской, «мифология зрения и даже особая мистика зрения всегда присутствовали в европейской культуре» (Бобринская, 2006: 227). Пассионарный и профетический мотивы синтезируются с мотивом погружения во тьму, тем самым расширяя интерпретационный потенциал «любовной коммуникации». Моделируемый поэтессой эротический дискурс порождает необходимость измененной оптики универсума в ракурсе особого мировосприятия лирического «я» и его возможных мифологических или же литературных двойников. Модификация визуального разнопланово маркирована: как метаморфоза сознания, взгляд «другого», точка зрения эмигранта, взор влюбленного.

Игровая словесная ворожба в стихотворении А. Петровой направлена на интенсивность эротизации и сакрализации любовного дискурса, вынося его за пределы биографически конкретного адресата, авторского гендера и даже сексуальности. По мнению М. Эпштейна, «эротика есть метасексуальное сознание и воображение, которое уводит от тела, чтобы возвращаться к нему в отстранённой, но тем более заостренной форме» (Эпштейн, 2006:65). А. Петрова не персонифицирует субъект любовной коммуникации, мифологизированного её поэтической фантазией. Нет прямых посвящений, упоминаний имени. Адресат, видимо, принципиально скрыт при всей интенсивности страстного потенциала стихотворения. Любовь оказывается подобна и роковому «цунами», и все же возносит влюбленных в виде звезд в небесное пространство, но и там им суждена разлука.

Констатация разрыва становится признанием как невозможности полной реализации любовного чувства, так и стремления именно таким образом его идеализировать. Непрояснённая личность партнера только способствует его потенциальной сакрализации и активации архетипических кодов лирического сюжета.

Р. Барт во «Фрагментах речи влюбленного» акцентирует своеобразный семиотический механизм порождения любовного дискурса, ориентированного на расставание и, соответственно, отмеченного фантазмной природой, ведь «чтобы <...> восхитить, подходит всё, что может проникнуть ко мне через обрамлённость разрыва» (Барт, 2002: 102). Обречённость любящего на одиночество, обусловленное ситуацией мифологизации и даже сакрализации образа возлюбленного, оказывается во многом аналогичной упоению ностальгией как попыткой возвращения в потерянный Рай.

По наблюдениям Ю. Кристевой, «современный дискурс любви пытается разом высказать и идеализацию, и ошеломление, присущие любовному чувству...» (Кристева, 1994: 105). Эротическая окрашенность анализируемого поэтического текста А. Петровой получает двойственную кодировку, обозначая темы духовного подъёма и экстаза («звезды», «купол»), но также одержимости и гибели («цунами»). В рамках эротического дискурса А. Петрова моделирует лирический сюжет, позволяющий подобно ностальгическому объекту объединить внутреннее и внешнее пространства. Аллюзийно возникает архитектура собора («в арокных сводах», «распахнутым куполом»), подразумевая вертикальную смысловую реализацию от значений дома – личного пространства и тела – жилища души, до храма и духовного возвышения. Так, локус интимности – сакральной, индивидуальной, эротической, расширяясь, переходит в небесную сферу («звёзды разбегаются»). Далее эксплицируется тема морской стихии, связанной с надеждой («флажки морехода»), и в тоже время потенциально опасной, и даже катастрофической («навстречу цунами»). Но отрицая постоянство – залог взаимной любви, утверждая неизбывность разрыва («...силе отталкивания друг от друга»), лирическое «я» вновь возносится ввысь («под распахнутым куполом»). При этом подобное вознесение оказывается достижимым посредством устраненной створки окна («словно выбитая в ночь фрамуга»), представляющей преодоление преграды и знак медиации.

4. Авторская интерпретация «психейного сюжета»

Эротический дискурс лирического послания А. Петровой, актуализируя мифологический потенциал, включает в свой смысловой спектр мифологема зарождения эроса и «психейный сюжет». По наблюдениям А. Журбиной, «история об Амуре и Психее может рассматриваться как иносказательное повествование о душе, странствующей по миру и ищущей пути к Любви и вечной жизни» (Журбина, 2015: 37). Психея из-за своего любопытства нарушает запрет видеть своего супруга, оказавшегося богом любви. В стихотворении А. Петровой диалог с недоступным возлюбленным состоит благодаря утрате привычного зрения. Этот аспект лирического сюжета в подтексте обыгрывает известную максиму «любовь слепа», что может обернуться и слепотой Психеи, реализуя в тексте мотив погребения во мрак. Наказанная разлукой с Амуром, Психея отправляется на его поиски, терпит притеснения, лишения и даже спускается в царство теней.

В философском романе-эссе П. Киньяр интерпретирует смысловые комплексы апулеевского «психейного сюжета» в плане эротического дискурса. Выдвигается концепция, что «лишь невидимость позволяет человеку целиком отдаться своим внутренним ощущениям и бросает душу на съедение чувствам» (Киньяр, 2013: 217). Данный тезис укоренен в древнеримский запрет зажигать в спальне лампу в моменты интимности, что объясняет аналогичное табу в «психейном сюжете». Французский писатель акцентирует, что, покидая провинившуюся супругу, «Купидон превращается в птицу и, не произнося ни слова, садится на ветвь кипариса перед окном спальни, где Психея заводит свои сетования» (Киньяр, 2013: 220). История взаимоотношений Амура и Психеи предстает архетипической моделью проявлений телесной любви и духовной близости в их противопоставленности и глубинной взаимосвязи. Представляет интерес и обусловленность темы окна мифологемой Психеи, обыгрываемой в стихотворении.

По мысли Ю. Котарида, «окно, распахнутое героиней в ночь, навстречу Любви, соотносится с неоплатонической парадигмой <психейного> сюжета...» (Котарида, 2015: 40). Включение в ткань поэтической фантазии А. Петровой «психейного сюжета» позволяет расценивать стремления лирического «я» как странствия мифологической Психеи. Эту ситуацию в определённой степени акцентирует и статус поэтессы-эмигранта, особенно если расценивать эмиграцию не только в качестве определённой социальной идентификации, но и как особое состояние души.

5. Смыслогенерирующая функция образа фрамуги

Фрамуга, как створка окна, предполагает пограничность и потенциальный контакт – коммуникацию «я» с «другим» и приближение к чему-то запредельному, находящемуся за рамками обычного мира. Будучи частью окна, фрамуга соотносима с возможностями взгляда и выхода за пределы. По мысли А. Жолковского, окно «благодаря своему положению на границе дома и внешнего мира <...> является точкой их естественного соприкосновения» (Жолковский, 2011: 47). В негативном значении «выбитая в ночь фрамуга» символизирует стихийность,

первозданный хаос ночи и торжество страстей, раздирающих личность, спасением от которых, возможно, и была любовная ситуация разрыва. Позитивная коннотация позволяет прочесть концовку лирического сюжета как приобщение к любви, космосу и божьему благословию.

Эмблематический потенциал стекла, связанный с оконной темой, является фактором-посредником между мятущейся душой и миром – манящим и гибельным или же открывающим перспективы реализации судьбы и обретения свободы. М. Ямпольский утверждает, что «стекло само по себе начинает символизировать духовную утонченность и хрупкость, а стеклянное здание переносится в сферу чистого духа» (Ямпольский, 2000: 128). В стихотворении А. Петровой «выбитая в ночь фрамуга» одновременно означает торжество эротики и духовный прорыв. Выбитое стекло обыгрывает как идею личного срыва, так и победу над хрупкостью и уязвимостью отношений и самоощущения лирического «я».

В ряде случаев окно как выход в инобытие может заменяться картиной или же зеркалом. С точки зрения Л. Чертова, в культуре «появление картины как особого предмета оказалось связанным» с потенциальной возможностью «интерпретировать ее как окно, открывающее для взгляда вход в иное пространство...» (Чертов, 2014: 227). В случае соотнесения окна с картиной открывается интермедиаальный потенциал, связанный с «психейным сюжетом». Актуализируется тема Психеи, пробуждаемой от вечного сна поцелуем Амура (картины А. ван Дейка, М. Дени, Э. Бёрн-Джонса, скульптуры А. Кановы, Х. Дугласа Гамильтона). Также обыгрываются мотивы парящих в небе влюбленных (картины Л. Ж.-Ф. Лагрена, В. Бугро, О.Б. Глэза, П. Бодри, А.Л. Свиннертон, М. Денни, М. Шагала). Эти две составляющие «психейного сюжета» акцентированы в стихотворении А. Петровой как темой звезд, так и выбитой фрамугой – победой страсти и в её роковом значении, и в возвышенном – возможности достижения неожиданного единства и освобождения от пут.

В своем эротическом дискурсе А. Петрова склонна моделировать ситуацию отношений лирического «я» с возлюбленным как близнечности, представляя воображаемого и вожделенного «другого» своим зеркалом. В «Истории зеркала» С. Мелшиор-Бонне отмечает, что «во взгляде своего «второго Я», то бишь близкого друга, двойника, влюбленный видит отражение своих взглядов, склонностей, желаний, раздирающих его самого противоречий...» (Мелшиор-Бонне, 2006: 346). Взгляд влюбленного, будучи зеркалом, позволяет реализовать в интерпретации А. Петровой идею, что любовные утраты неизбежны, но взамен возможна радость обретения двойника. Появление «милого близнеца» представляется условием для достижения гармонии в сознании лирического «я» и в окружающем мире.

Фрамуга, будучи створкой **окна**, активизирует смысловой и фонетический потенциал обоих вышеупомянутых слов, обыгрывая как «око» – зрительный канал, так и итальянское слово *“fratello”*, означающее «брат». Кроме того, часть *“fra”* традиционно служила наименованием духовного братства. Такое созвучие можно было бы считать случайным совпадением, если бы в поэтической книге А. Петровой образ «словобрата» («По колдовскому острову брожу...»), «милого близнеца» («Кто узнает в лицо тебя, милый близнец...»), мужского «альтер эго» автора не обрел лейтмотивный статус. Таким близнецом оказывается и сам сборник, и гендерная роль лирического «я» в идентификации не с женской природой, а с образом мальчика («Пастух вещей...»). Обыгрывание в стихотворении «Предметы растворяются во тьме...» «психейного сюжета» способствует включению темы близнечности в эротический дискурс. Открытый финал лирического послания позволяет акцентировать античную тему порождения эроса из хаоса – условие зарождения космоса и мировой гармонии.

6. Выводы

Семиосфера рассматриваемого лирического послания становится дополнением к внешней лаконичности поэтического слова А. Петровой. Расширению интерпретационных рамок стихотворения способствует потенциальность «психейного сюжета». Показательно и своеобразие эротического дискурса: коды страсти проявлены не только в сфере интимности, но и топосах пограничности, интермедиаальности и зеркальности. Перспективы дальнейшего исследования открываются в плане изучения проявлений «психейного сюжета» на более широком корпусе лирики современных поэтов-эмигрантов.

Литература:

1. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. Москва : Ad Marginem, 2002.
2. Бобринская Е. Русский авангард: границы искусства. Москва : НЛЮ, 2006.
3. Жолковский А.К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. Москва : НЛЮ, 2011.
4. Журбина А.В. Миф об Амуре и Психее в «Мифологиях» Фульгенция: аллегория или персонификация? *Мифологические образы в литературе и искусстве*. Москва : Индрик, 2015. С. 10–17.
5. Ильинская Н.И. Религиозно-философские искания в русской поэтической традиции рубежей XX века: специфика сознания, концептосфера, типология. Херсон : Айлант, 2005.
6. Киньяр П. Тайная жизнь. Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2013.
7. Котариди Ю.Г. Лики Психеи в литературе романтизма *Мифологические образы в литературе и искусстве*. Москва : Индрик, 2015. С. 36–45.
8. Кристева Ю. Дискурс любви *Танатография Эроса*. Санкт-Петербург : Мифрил, 1994. С. 101–109.
9. Мельшиор-Бонне С. История зеркала. Москва : НЛЮ, 2006.
10. Сандлер С. Поэт как перемещенное лицо: предисловие. *Только деревья*. Москва : НЛЮ, 2007. С. 5–12.
11. Чертов Л. Знаковая призма. Москва : Языки Славянской Культуры, 2014.
12. Эпштейн М.Н. Философия тела. Санкт-Петербург : Алетей, 2006. С. 9–194.
13. Ямпольский М. Наблюдатель: очерки истории видения. Москва : Ad Marginem, 2000.

References:

1. Bart, R. (2002). *Fragmentsy rechi vlyublennogo* [Fragments of the Speech of the Lover]. Moscow: Ad Marginem [in Russian].
2. Bobrinskaja, E. (2006). *Russkij avangard: granicy iskusstva*. [Russian avant-garde: art borders]. Moscow: NLO [in Russian].
3. Zholkovskij, A.K. (2011). *Pojetika Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty* [Poetika Pasternaka: Invariants, structures, interteksta]. Moscow: NLO [in Russian].
4. Zhurbina, A.V. (2015). Mif ob Amure i Psihee v “Mifologijah” Ful’gencija: allegorija ili personifikacija? [“Myth of Amur and Psyche in “Mythologies” Fulgeny: allegory or personification?”]. *Mythological images in literature and art*. Moscow: Indrik, pp. 10–17 [in Russian].
5. Il’inskaja, N.I. (2005). *Religiozno-filosofskie iskanija v russkoj pojeticheskoj tradicii rubezhej XX veka: specifika soznaniya, konceptosfera, tipologija*. [Religious and Philosophical Searches in the Russian Poetry Tradition of the Borders of the 20th Century: Specificity of Consciousness, Conceptuosphere, Typology]. Kherson: Ajlant [in Russian].
6. Kin’jar P. (2013). *Tajnaia zhizn’* [Secret life]. Sankt-Petersburg: Azbuka-Attikus [in Russian].
7. Kotaridi, Ju.G. (2015). Liki Psihei v literature romantizma. [“Faces of Psyche in the Literature of Western European Romanticism”]. *Mythological images in literature and art*. Moscow: Indrik, pp. 36–45 [in Russian].
8. Kristiva, Ju. (1994). *Diskurs ljubvi* [Love discourse]. SanktPetersburg: Mifril, pp. 101–109 [in Russian].
9. Mel’shior-Bonne S. (2006) *Istorija zerkala*. [History of the mirror]. Moscow: NLO [in Russian].
10. Sandler, S. (2007) *Pojet kak peremeshhennoe lico: predislovie* [Poet as Displaced Person: Foreword]. *Only trees*. Moskva: NLO. Pp. 5–12 [in Russian].
11. Chertov, L. (2014). *Znakovaja prizma*. [Landmark prism]. Moscow: Jazyki Slavjanskoj Kul’tury [in Russian].
12. Jepshtejn, M.N. (2006). *Filosofija tela* [Body philosophy]. St. Petersburg: Aletejja, pp. 9–194 [in Russian].
13. Jampol’skij, M. (2000). *Nabljudatel’: ocherki istorii videnija*. [Observer: Essays of the History of Vision]. Moscow: Ad Marginem [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 25.06.2020
The article was received June 25, 2020